

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ДОБРОВОЛЬЦА

Так уж случилось, что пришлось непосредственно участвовать в событиях на юго-востоке Украины и общаться не только с жителями Донбасса, взявшими в руки оружие, но и с военнослужащими украинской армии, представителями силовых структур, добровольческих батальонов. Особый интерес вызвали добровольцы из других стран, их психология, мотивация принятия решения, особенно добровольцев из России.

Сегодня вопрос непосредственного участия российских добровольцев в вооружённом противостоянии Донбасса и центральной украинской власти уже не столь актуален. Большинство из них давно вернулись на родину, а те, что остались, находятся, как правило, вне сферы военного применения.

По прошествии времени и снижения общественного интереса к проблеме войны на юго-востоке Украины появилась возможность относительно беспристрастно, хотя и достаточно конспективно, дать анализ психологического портрета граждан России, выступивших комбатантами (добровольцами).

Это наблюдения профессионального юриста и писателя без претензии на научность. Я не буду касаться криминологической характеристики по сути девиантного поведения как граждан Украины, поднявших вооружённое восстание, так и граждан других государств, инициативно принявших в нём участие. Речь пойдёт лишь об обобщённой психологической характеристике российского добровольца. Стоит заметить, что с течением времени мотивационная доминанта претерпела незначительные изменения.

Историю развития цивилизаций можно изучать через призму развития государства и его институтов, права и политической системы, степени зрелости общества, общественных и производственных отношений, религии, культуры, традиций, языка и т. д., но обычно познание идёт через историю войн в их хронологии. Диалектика политики и войны свидетельствуют не только о внутренней взаимосвязи, но и о том, что последняя является неизменным спутником человечества в его историческом развитии.

До 95% всех известных нам обществ прибегали к войне как средству разрешения внешних или внутренних конфликтов. Только за последние пятьдесят шесть веков произошло около четырнадцати с половиной тысяч больших и малых войн, захватнических и освободительных, гражданских, религиозных, этнических и т. д.

Так уж сложилась историческая судьба России, что на долю всех поколений выпадали испытания войной. Не стали исключением ни Советский Союз, ни постсоветская Россия.

Во второй половине XX века вооружённые силы СССР в той или иной степени были задействованы почти в двух десятках конфликтов и локальных войн, начиная с гражданской войны в Китае и заканчивая войной в Афганистане, что было обусловлено геостратегической политикой Советского Союза. Но ни в одной из них не участвовали волонтёры.

Вооружённые силы России в постсоветский период с 1991-го по 2019 годы приняли участие в четырёх войнах: в Приднестровье в июне-июле 1992 года, в Южной Осетии в 2008 году с ведением боевых действий на территории Грузии, в Сирии с 2015 года по настоящее время. При этом их участие определялось международно-правовыми договорами или статусом миротворческих сил.

В двух относительно скоротечных войнах принимали участие добровольцы из России – в Приднестровье и (в относительно малом количестве) в Южной Осетии.

Косвенно Россия принимала участие в той или иной степени в локальных вооружённых конфликтах или гражданских войнах в Югославии (миротворческие силы и российские добровольцы) и в гражданской войне в Таджикистане (силы и средства 201-й дивизии и чирчикской бригады спецназа, переданной под юрисдикцию Узбекистана).

Официально Россия не участвовала в войне на территории Абхазии в 1992–1993 году, однако подразделения Минобороны России проводили локальные операции по эвакуации негрузинского населения в начальный период войны и вооружённых сил Госсовета Грузии из Сухума кораблями Черноморского флота в окончательной её фазе, а также по локализации наступления абхазских вооружённых сил в сентябре 1993 года в глубь территории Грузии. Имели место частные случаи ответных действий на обстрелы грузинскими формированиями воинских подразделений России. Зато в полной мере принимали участие на стороне вооружённых сил Абхазии российские добровольцы.

Несколько особняком стоит надправовое изъятие Крыма из юрисдикции Украины с использованием российских вооружённых сил, что объясняется геополитической стратегией России в целях обеспечения безопасности государства. При этом довольно значительное участие в крымских событиях принимали добровольцы из России, особенно в блокировании северной границы полуострова.

Природа войн в Приднестровье, Абхазии, Югославии и на Украине вызвала к жизни новое для нас явление – несанкционированное государством участие в них добровольцев (так называемое участие “по умолчанию” без юридического запрета).

Наиболее массовый характер участия добровольцев проявился в гражданской войне на Донбассе, что объяснимо не столько идеей защиты так называемого “Русского мира”, сколько всё ещё сохраняющейся советской психологией граждан России и накопленной протестностью относительно социально-экономических изменений в обществе в постсоветский период. Это нашло достаточное отражение в журналистике, литературе, кинематографе, живописи, музыке, песенном исполнительстве, мемуаристике. В меньшей степени – в научных трудах: военных, исторических, в военно-медицинских и совсем ничтожно мало – в психологии.

Я бы хотел обратиться к морально-нравственной мотивации участия в военном конфликте на территории Абхазии, Приднестровья, Югославии и Украины (Донбасс) людей, не связанных правовыми отношениями с государством, представителями которого они являются, то есть не направленных государством в качестве военнослужащих. Это абсолютно не исследованная тема, за исключением, быть может, закрытых работ узких специалистов военно-прикладных отраслей знания.

Военнослужащие находятся в правоотношениях с государством, то есть пользуются правовой, социальной и психологической защитой с его стороны. Это обусловлено тем, что государство легитимизирует своё участие в этих

войнах и конфликтах с точки зрения международного права или права на защиту своих интересов.

Участие в этих войнах (конфликтах) граждан других государств (России, в частности) в качестве комбатантов — осознанное, нравственно мотивированное, вызванное чувством справедливости, сострадания, противодействия крайней степени проявления национализма и нацизма. В меньшей степени — помощь в отражении внешней агрессии. При этом государство либо отрицает подобное участие комбатантов, либо не препятствует их участию, либо создаёт неофициальные условия для их участия. Поскольку такие лица обладают высокой долей пассионарности, то находятся под негласным надзором соответствующих служб.

Теперь о мотивационной составляющей участия добровольцев в войнах на территории Приднестровья, Абхазии (непризнанные государства), Югославии, Украины.

Приднестровье, 1992. Карательная экспедиция МВД Молдовы, молдавских националистов и подразделений Румынии против ПМР*, провозгласившей независимость и приверженность целостности с Россией. Лозунги националистов “Русских — за Днестр, евреев — в Днестр” и т. д. вызвали приток добровольцев из РФ.

Мотивация — защита русского этноса и ориентированного на Россию населения от фактического геноцида и румынизации. Приднестровье воспринималось их сознанием как часть России.

Абхазия, 1992–1993. По сути, война носила этнический характер (заявление командующего грузинскими войсками Каркаршвили о том, что пусть погибнут сто тысяч грузин, но будут полностью уничтожены абхазы). На стороне провозгласившей независимость Абхазии, тяготеющей к России и готовой войти в её состав на принципах автономии, воевали абхазы, русские, армяне, греки и люди других национальностей, проживавших на её территории. На помощь Абхазии в качестве добровольцев пришли этнически родственные им адыги (черкесы), а также народы, объединённые в Конфедерацию народов Кавказа (КНК), и этнические русские.

Мотивация — защита слабого народа, подвергнутого геноциду. Вторая составляющая — защита России от агрессии со стороны Грузии как олицетворения Запада (Абхазия в сознании добровольцев воспринималась как часть России).

Кроме того, и в первом, и во втором случае участие добровольцев воспринималось также как защита СССР, поскольку прошло около полугода с момента распада страны, который они воспринимали как личную трагедию.

Югославия, серия вооружённых конфликтов 1991–2001 годов. Войны на территории бывшей СФРЮ носили межэтнический и межрелигиозный характер (хорваты, словенцы, боснийцы против сербов; македонцы против албанцев; сербы против албанцев и т. д.). Участие добровольцев из России было ограниченным, что объясняется отсутствием общей границы и довольно сложной логистикой. Мотивация — защита православного сербского населения. В России сохранились те условия и социальная среда, когда значительное количество людей готовы были поехать в другую страну воевать по идеологическим причинам. Более того, война в Югославии, особенно со второй половины 90-х годов, воспринималась добровольцами как война Запада с Россией.

Украина, с 2014 года и по настоящее время. События на Украине в феврале 2014-го, представленные нашей пропагандой как фашистский переворот и геноцид русского населения, следовавшие затем репрессии в отношении участников протестного движения, политические убийства, вооружённое противостояние Донбасса и центральной власти катализировали добровольческое движение.

Ликвидация лидеров Новороссии, репрессии против носителей идей социальной справедливости и национализации, изменения производственных

* Приднестровская Молдавская Республика.

отношений, ликвидация самой идеи Новороссии вызвали переоценку событий 2014 года. Многими добровольцами (и не только) теперь они воспринимались как олигархический передел власти новой компрадорской буржуазией с использованием неонацистской украинской идеологии как средства достижения цели. Более того, в добровольческой среде возобладали радикальное мнение о санкционировании российской властью утилизации пассионарной части своих граждан с целью снижения накала социальной и идеологической протестности внутри РФ.

Теперь несколько слов о психотипах российских добровольцев. Я не беру во внимание добровольцев из стран Евросоюза и вообще Запада, хотя достаточно детально изучал их при непосредственном общении. Не являются предметом исследования и психотипы представителей неформальных вооружённых формирований, созданных украинскими олигархическими группами или конкретными олигархами (нацбаты, добробаты, тербаты и т. п.), хотя сравнительный анализ добровольцев Донбасса и остальной Украины позволяет выявить главное отличие – бескорыстие первых и материальная доминанта в сознании вторых.

Несмотря на некоторые общие черты комбатантов – идейность, социальная ответственность, готовность к самопожертвованию, бескорыстие, нравственные качества и т. д., – всё же имеются и отличия, что позволяет выделить, по крайней мере, четыре основных психотипа (достаточно условных).

1. Защитники (“романтики”, “мушкетёры” и т. д.).

Пожалуй, самая большая и самая неоднородная группа. Образование от среднего до высшего (довольно высок процент гуманитариев). Социально интегрированы в общество, имеют постоянный доход – малый и средний бизнес, служащие, бывшие военные и правоохранители, работники производственной сферы и строительства. Представители социально ориентированных партий, движений, объединений, сообществ, носители идей социальной справедливости. Как правило, православного вероисповедания или последователи славянского язычества (неоязычества).

Из социально-психологических признаков можно выделить максимализм, неприятие нацизма и национализма как определяющей идеологии, быстрое разочарование результатами борьбы, бескомпромиссность, бескорыстие, обострённое чувство справедливости, дефицит внешнего уважения.

В индивидуально-личностной характеристике доминируют состояние постоянного хронического стресса и эмоционального истощения (посттравматический синдром). Склонны к депрессии. Часть из них имеет высокий уровень аутоагрессии и риск суицидального поведения в дальнейшем. В своей среде признают только сильных лидеров, которые доказали способность вести за собой.

2. “Непризнанные герои”

Немногочисленная, но наиболее профессиональная группа людей, идейно и социально близкая к первой группе.

Возрастная категория – большинство в диапазоне от 30 до 55 лет. Образование среднее и высшее (доминирует военное и юридическое).

По роду занятий это бывшие военнослужащие, работники правоохранительных органов, участники боевых действий в “горячих точках” (Афганистан, Северный Кавказ, Приднестровье, Абхазия и т. д.), занятые в сфере охраны, малого и среднего бизнеса, служащие.

Из социально-психологических признаков следует выделить организованность, дисциплинированность, жизненный и профессиональный опыт, способность обучать, контролировать и вести за собой других, понимание и подсознательное уважение к требованиям закона.

Доминирующая мотивация – установление социальной справедливости (в их понимании) от микросоциума до масштабов государства, устоявшиеся мировоззренческие и жизненные ценности. Чувство неприятия власти, которая, по их мнению, “по сути антинародна, не ценит и не слышит людей”, допускает унижение военнослужащих и правоохранителей, которые добросовестно служили своей стране.

Также важную роль для многих из них играет мотив защиты своих родных (микросоциума) или общества (макросоциума) от мнимых или на деле существующих угроз.

По индивидуально-личностным признакам они уравновешены, адекватно реагируют на ситуацию, стрессоустойчивы. Имеют высокий интеллектуальный уровень. Отличаются рассудительностью, высоким самоконтролем, дисциплинированностью и самообладанием, в том числе в критических ситуациях. Придерживаются установленных норм и правил поведения, критически оценивают возможные последствия. Легко подчиняются лицам, которые являются для них признанными авторитетами. Проявляют лидерские способности, могут сплотить и возглавить неформальные группы различной численности. Ориентированы на достижение нужного результата.

Не склонны к немотивированной агрессии, чрезмерной враждебности, неоправданному риску.

В случае прекращения вооружённого конфликта они обладают высокой способностью к успешной социализации в дальнейшем.

3. “Джентльмены удачи” (“дикие гуси”).

Всегда встречаются среди участников вооружённого конфликта. Ничтожно малый сегмент представлен на Донбассе и практически отсутствовали в Приднестровье, Абхазии и Югославии. Как правило, это средний возраст, образование среднее, люмпенизация и маргинальность сознания, его криминализация. Часть из них явилась средой формирования ЧВК.

Мотивация – сокрытие и оправдание своих преступлений (война всё спешет), корысть (мародёрство, отъём имущества и т. д.). Как правило, эта категория старается не участвовать в боевых столкновениях.

Отличаются индивидуально-личностными признаками – адаптацией к действительности, жестокостью, способностью к инициативному насилию, аморальностью, отсутствием сострадания, наличием собственной субкультуры (иерархия, порядки, особые татуировки, блатные песни и стихи, азартные игры). Не признают социальных правил и условностей, безразличны к нуждам общества, самооценка завышена. Мнительные, подозрительные, самостоятельные, бесцеремонные, при необходимости льстивые и покладистые. Ценят и берегут свою жизнь как высшую ценность, хотят личной свободы и комфорта. Мастерски симулируют болезни или ранения. Коварны и изворотливы. Практически не поддаются социализации. Общение с ними требует крайней жёсткости с опорой на силу, а в случае необходимости в конфликтной ситуации – уничтожения.

* * *

Описанные психотипы участников военизированных формирований (добровольцев), конечно, не охватывают все особенности психики людей. Однако знание их позволяют оценивать мотивацию комбатантов и прогнозировать их поведение как в реальной боевой обстановке, так и их социализации после возвращения на родину.

А теперь попытаемся вывести психотип типичного добровольца безотнositельно к стране проживания.

1. Бескорыстие и незаинтересованность в получении выгоды как базовый принцип добровольчества.

2. Терпимость, понимание и уважение к личности другого человека.

3. Стремление к саморазвитию и самореализации как мотивационная составляющая.

4. Гуманность и альтруизм, коммуникабельность, ответственность и самодисциплина.

Среди деловых качеств можно выделить:

1) умение грамотно распределять время, способность переключаться с личных дел, приносящих финансовый доход, на волонтерство;

2) стрессоустойчивость и самообладание;

3) способность оперативно решать проблемы. От того, насколько быстро будет принято решение, зависит дальнейший исход событий.

В завершение хотелось бы акцентировать внимание на морально-нравственной мотивации участия в военном конфликте людей, не связанных правовыми отношениями с государством.

Одно дело, когда государство направляет тебя для участия в войне, беря на себя политическую, правовую и моральную ответственность. При этом если в Советской армии ещё как-то была поставлена политико-воспитательная работа на идеологической базе, то в современных условиях она сведена к минимуму. Особенно для локализации последствий психотравмирующих факторов, а ведь условия постоянной опасности являются сверхсильными психологическими раздражителями и могут вызвать резкие патологические изменения в психике и поведении участников войны. И неслучайно достаточно высок уровень криминогенности среди участников боевых действий (УБД). На войне могут проявиться прямо противоположные качества их участников – трусость и героизм, шкурничество и самопожертвование. Это зависит от индивидуальных особенностей личности, сформировавшихся в предшествующий период, от качества боевой готовности и умения владеть оружием, от успешного или отрицательного поворота событий для одной из воюющих сторон, от продолжительности боевых действий, от состояния дисциплины в подразделении, авторитета командира и многих других факторов. При этом катализатором поведения человека становится именно экстремальная ситуация.

Война – это всегда психотравмирующий фактор. Люди, оказавшиеся в экстремальных условиях войны, более сложно адаптируются к ним именно в силу слабо выраженной мотивации. К тому же у них более ярко выражен посттравматический синдром – привыкание к обыденной жизни. Отсюда резкая реакция на негативное или равнодушное отношение к ним со стороны остальных, особенно представителей власти. Пример тому – поведенческая составляющая бывших военнослужащих, прошедших войну в Афганистане, на Северном Кавказе и другие большие и малые войны в составе вооружённых сил государства.

И совсем другое дело, когда ты сам добровольно в силу убеждений оказываешься на войне, принимая одну из сторон конфликта. На эмоционально-волевую сферу и поведенческие мотивы человека оказывает воздействие целая система специфических факторов.

Психологи называют эту категорию людей “воинами по долгу”. Их удельный вес среди остальных невелик – по разным оценкам около 10% от всего военнообязанного населения в мирное время и до 30% в военное.

Психология людей, добровольно пришедших на войну, иная. Это особый психологический склад – готовность к непониманию со стороны остальных и даже к негативной оценке со стороны государства и его институтов, отсутствие в сознании иждивенчества, готовность к самопожертвованию, подвижность.

Это объясняет “настороженное” отношение государства к комбатантам, их неконтролируемую пассионарность, степень внутренней протестности, возможность использования их готовности к крайней степени противостояния радикальными общественно-политическими движениями. Временное санкционирование государством участие комбатантов в конфликтах на территориях других стран снижает накал внутренней напряжённости в обществе, перенацеливая их на внешних врагов и демонстрируя идейную солидарность власти с ними. Государство посредством эффективной пропаганды подсознательно концентрирует общественное сознание на факторе внешней угрозы (мнимой или реальной), тем самым легализуя противостояние ей силами комбатантов (в том числе). Это позволяет ему определять силу и охват протестности общества и контролировать его легальными и нелегальными средствами.

г. Белгород